

Современность и традиция в российской геополитике

(Статья первая)

Межевич Н. М.¹, Шамахов В. А.^{2, *}

¹Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Современная геополитика в России пострадала от абсолютизации ее возможностей в 90-е годы прошлого века. Причины очевидны. Запретный в СССР плод был сладок. Затем, в XXI веке внимание к классическим геополитическим исследованиям резко упало. Положение России в современной геополитической системе координат постепенно меняется. Распад 90-х не был преодолен полностью, это и невозможно, однако Россия предприняла меры к укреплению своих границ.

Изучение российской геополитики предполагает историко-географический анализ. Некоторые геополитические проблемы России обладают удивительной устойчивостью, а вызовы, которые стоят перед нашей страной, обладают удивительной устойчивостью.

Ключевые слова: геополитика, Россия, Европа, Запад, территориальное переустройство, внешние вызовы

Для цитирования: Межевич Н. М., Шамахов В. А. Современность и традиция в российской геополитике (Статья первая) // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 10–19.

Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (First Article)

Nikolay M. Mezhevich¹, Vladimir A. Shamakhov^{2, *}

¹Institute of Europe of Russian Academy of Science; St. Petersburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru

ABSTRACT

Modern geopolitics in Russia suffered from the absolutism of its capabilities in the 1990s. The reasons are obvious. Forbidden fruit in the USSR was sweet. Then, in the 21st century, attention to classical geopolitical research fell sharply. Russia's position in the modern geopolitical coordinate system is gradually changing. The collapse of the 1990s has not been completely overcome, it is impossible, but Russia has taken measures to strengthen its borders.

The study of Russian geopolitical involves historical and geographical analysis. Some of Russia's geopolitical problems have amazing resilience, and the challenges facing our country have amazing resilience.

Keywords: geopolitics, Russia, Europe, West, territorial reconstruction, external challenges

For citing: Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (First Article) // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 10–19.

Изучение геополитики России — процесс бесконечный во времени. Кажущаяся изученность в конкретный момент времени уходит в связи с изменением самого географического положения. При этом интерес Запада к России, на наш взгляд, объективен и исходит из многих причин. Прежде всего, Россия рассматривается Западом как нескудеющая кладовая — «богатство Запада должно

прирастать Россией», так можно определить политику наших атлантических соседей, перефразируя известное выражение М. В. Ломоносова. На наш взгляд, большой интерес к России со стороны наших партнеров заключается в ее геополитическом положении и ресурсах. Так как геополитически Россия занимает центральную позицию на карте мира и обладает ключевым его регионом — сердцевинной Земли, или, в терминологии геополитики, хартлендом, который вписывается в огромный четырехугольник, ограниченный Каспием, Байкалом с юга и арктическими морями на севере. Эта особенность России, на наш взгляд, по сей день не теряет свою значимость. Кроме того, следует отметить, что большинство известных геополитиков в своих геополитических схемах определили миссию России. Она состоит в том, что ей волею судеб отведена роль держателя равновесия между Восточной и Западной цивилизациями. При этом и с Запада, и с Востока всегда находились желающие переустроить российское пространство.

Об этом предупреждал еще Д. И. Менделеев, основываясь на опыте русско-японской войны 1904 г. «Необходимость же недалеко предстоящего напора на нас с разных сторон видна, по мне, уже из того, что у нас на каждого жителя... приходится в два раза более земли, что для всего остального человечества... если же принять во внимание лишь наших непосредственных соседей, то еще в большей пропорции... Войны же (как и переселения) ведут прежде всего из-за обладания землей, т. е. чаще всего сообразно с теснотой населения. Так ветер идет из мест большего давления в места с меньшим давлением... Поэтому-то нам загодя надо, во-первых, устраивать так свои достатки и все внутренние порядки, всю частную жизнь, чтобы размножаться быстрее своих соседей и всего человечества, а, во-вторых, нам необходимо, помимо всего, быть начеку, не расплываться в миролюбии, быть готовыми встретить внешний напор, т. е. быть страною, быстро возвышающей свои достатки всемерно (как земледельцы, как промышленники и как торговцы), пользующеюся богатствами и условиями своей земли, блюдущею внутренний свой порядок и внешний мир...» [12, с. 216–217].

Новая геополитическая ситуация России неизбежно приводит к формированию нового поля внешнеполитических интересов государства, которые имеют объективный характер [14]. Следует отметить, что за время существования русского национального государства, имевшего в разные периоды своей истории различные самоназвания (Московская Русь, Русское царство, Российская империя, СССР), его территория постоянно изменялась в размерах, то увеличиваясь (достигнув максимума перед Первой мировой войной), то сокращаясь. Соответственно изменению границ изменялось и геополитическое положение государства, и, как следствие, — приоритетные направления его внешней политики.

Рассмотрение карты Российской Федерации в существующих ныне границах показывает преемственность границ. На этих рубежах Русское государство уже существовало в конце XVI — первой половине XVII в. Совпадение конфигурации границ Российской Федерации и Русского царства 400-летней давности (особенно в Европейской части России) является весьма значительным. Конечно, тождественность геополитического положения России конца XX в. и России XVI–XVII вв. является сомнительной. Но геополитические характеристики России позволяют говорить об определенной преемственности внешнеполитических интересов нашего государства. Рассмотрим для этого основные геополитические факторы, определившие политику России XVI–XVII вв. Такими факторами в XIII–XIV вв. являлись следующие.

1. Отсутствие у России надежных выходов к Черному и Балтийскому морям и, как следствие этого, отсутствие военного и торгового флотов, ограниченные возможности для внешней торговли.

2. Проживание значительной части русского (православного) населения в сопредельных с Россией странах, где оно подвергалось национально-культурной, языковой и правовой дискриминации со стороны государства проживания. Это относилось, прежде всего, к положению русского населения Белой и Малой Руси (Украины) в составе Речи Посполитой.

Усиление возможностей России означало формирование трех взаимосвязанных сфер российского продвижения в Европу:

- 1) на северо-западе — обеспечение выхода к Балтийскому побережью привело, кроме прочего, к конфликту со Швецией с Польшей;
- 2) на западе — захват Украины и других земель к западу, включая Польшу;
- 3) на южном и юго-западном направлениях — соперничество с Османской империей, а после ее распада — с Австро-Венгрией [11, с. 97–98].

Следует отметить, что в значительной степени расширение российского пространства означало ответ на экспансию Польши, Литвы, Ордена.

Из вышеизложенного можно делать вывод, что учет геополитических факторов особенно важен сейчас для России. Это связано со следующими моментами.

Во-первых, Российская Федерация унаследовала от СССР роль великой мировой державы. Однако возможности ее существенно отличаются. Достаточно сопоставить такие показатели, как географическое положение, климат, почвенные и другие природные условия, плотность населения, уровень развития инфраструктуры и т. д.

Во-вторых, произошли и фундаментальные подвижки в безопасности государства: экономической, социальной, правовой.

В-третьих, хотя понятие «геополитика России» и появилось 30–35 лет назад, его научное осмысление продолжает быть актуальным и постепенно изменяется. Объясняется это глубокими изменениями — переходом отдельных регионов от состояния разрозненности к единому, взаимосвязанному, стабильному в территориальном плане Российскому государству.

В-четвертых, взаимозависимость и интеграция государств не позволяют рассматривать проблему безопасности в границах только одной страны. Ее следует изучать с точки зрения глобальной безопасности.

В-пятых, геополитическое положение России сегодня очень привлекательно не только для наших соседей. Существует исторический аспект проблемы. Величина и возможности России всегда не вписывались в «европейскую схему». Услугами России пользовались для наведения порядка и для преодоления очередных экономических трудностей в Европе, не допуская при этом даже мысли о равноправном сотрудничестве. Эта тенденция стала определяющей и во втором десятилетии XXI в.

Распад Советского Союза привел к принципиальному пересмотру точек зрения на обеспечение национальной безопасности государства. Новое экономическое, политическое и географическое положение России как государства-правопреемника нуждается в определенном осмыслении. Следует отметить, что целый ряд экономических, военных, политических задач, стоявших перед Российской империей и СССР, оказался как бы «унаследованным» современной Россией. При этом государство и его соответствующие институты были вынуждены взять на себя обеспечение интересов страны даже в том случае, если экономические, политические и географические возможности для этого существенно уменьшились [15].

Оценивая роль пространственного фактора, следует учитывать, что последнее столетие российской истории в этом контексте подтверждает прежнюю тенденцию. Годы советской власти, в контексте пространственного развития, и с точки зрения влияния территориального фактора на развитие общества являются развитием прежней исторической тенденции. Г. М. Маленков, подводя геополитические итоги развития страны, подчеркивал: «Никогда на протяжении всей своей истории наша

Родина не имела столь справедливо и хорошо устроенных государственных границ. Взгляните на карту. На Западе — Украина собрала в одну семью весь свой украинский народ. Устранена историческая несправедливость в отношении границ Белоруссии и Молдавии. На Западе нет больше Восточной Пруссии — этого многовекового плацдарма для нападения на нашу Родину. Несколько севернее вполне прочно обозначились новые границы в интересах укрепления обороны Ленинграда. На Дальнем Востоке по-новому, в интересах безопасности нашей Родины, выступает гряда Курильских островов, а Сахалин, восстановленный полностью, как целое, играет большую роль в защите Советского Союза, чем его половина» [9, с. 5–6]. Формальное осуждение геополитики сопровождалось признанием роли территориального фактора и государственных границ в жизни страны. Рассмотрение эволюции внешних государственных границ не входит в круг задач, поставленных перед собой авторами, но отдельные вопросы, связанные с геополитическими концепциями прошлого и настоящего, рассмотреть необходимо.

В историческом плане первые концепции ликвидации Российского государства появились еще до его возникновения. Вставшее на пути татаро-монгольских завоевателей Русское государство в качестве благодарности от той цивилизации, которую мы теперь называем западноевропейской, получило крестовый поход против «русских схизматиков», организованный Тевтонским орденом, а затем в 1255 г. Папа Римский Александр IV дарует право на завоевание Руси литовскому королю. Закономерно, что возникновение централизованного Русского государства, а затем и Российской империи не могло не вызвать соответствующей реакции в Европе. Все немецкие (и большинство иных) концепции расчленения России базируются на старой идее прусского короля Густава Адольфа — запереть Россию в лесостепном территориальном и континентальном блоке.

В XVII–XVIII вв. бескрайняя Российская империя просто сводила с ума маркграфов, королей и великих князей раздробленной Центральной Европы и Германии. Соблазн «жизненного пространства» определял политику и мысли правителей, все государство которых можно было окинуть взглядом с главной дворцовой башни. Объединение Германии, проведенное «железным канцлером» Бисмарком, создало определенные практические возможности для развития германской экспансии на восток. При этом сам канцлер Бисмарк, как правило, возражал против (еще довольно редких в тот период) пожеланий присоединения частей России к Германии (Пруссии). Есть сведения, что он в 1867 г. сказал редактору петербургской немецкой газеты: «Что же могла бы нам дать эта длинная, выдвинутая вперед полоса... без хинтерланда — ничтожно малая величина (ein Nichts), в обмен на которую мы получили бы вечную вражду России» В 1872 г. Бисмарк заявил, что он «не принял бы Прибалтику даже в том случае, если бы Россия сделала ему такой подарок» [6, с. 219]. Если на первом этапе «Дранг нах Остен» должен был обеспечить гегемонию над народами Центральной и Юго-Восточной Европы, то в дальнейшем столкновение российских и германских интересов становилось неизбежным. Уже в 1895 г. немецкий журнал «Альдейче Блеттер» писал: «Рукопожатие немцев и турок состоится на юге России». По замыслу автора «Сверхвеликая Германия» должна была включать Литву, Польшу, Прибалтику, Волынь, Подолию, Крым. На остальных территориях планировалось создать небольшие государства под германским протекторатом. Следует отметить, что турецкие шовинисты, разделяя немецкие концепции, несколько иначе видели территориальное переустройство России. Крым, Кавказ, долина Волги и Камы должны были войти в состав «Великого Турана». По мнению английского историка В.В. Готлиба, подобная позиция Турции сыграла важную роль в разжигании Первой мировой войны [3, с. 41].

В 1906 г. в журнале «Цукунфт» немецкий публицист М. Гарден призвал «терпеливо выжидать, распадается ли Россия на республики...» [6, с. 222]. При этом

особо хотелось бы подчеркнуть важность неуклонных попыток Германии добиться построения России по федеральному принципу.

С началом Первой мировой войны концепции переустройства Российской империи выходят на новый уровень. Как правило, уже ставятся задачи добиться распада России с помощью военной силы, а не пассивно его ожидать. В подготовленном в 1915 г. меморандуме Балтийского доверенного совета (группа немцев-эмигрантов из Эстонии, иммигрантов из Эстляндской и Лифляндской губерний) указывалось: «Линия Нарва — Чудское озеро» является границей, обеспечивающей военную безопасность Германии». Предполагалось, что такая граница создает угрозу Петербургу, «что в свою очередь вызовет его эвакуацию и перенос столицы, а соответственно и административный распад России» [4, с. 235]. Обращает на себя внимание, что данный прогноз был практически полностью реализован.

По мнению депутата Рейхстага М. Эрцбергера, основным условием германской гегемонии было бы отделение нерусских народов западных провинций России и создание «автономных государств по дуге от Балтики до Черного моря, причем все они должны были быть связаны с Германией таможенным союзом» [4, с. 47]. Следует отметить, что подобные проекты составлялись не только учеными, публицистами или даже депутатами. Планы федерализации России являлись важнейшей составной частью государственной внешней политики Германской империи и составлялись высшими руководителями МИДа, Генерального штаба, первыми лицами государства. Канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег писал послу в Вене фон Чиршки: «...в случае победоносного исхода войны необходимо образование нескольких буферных государств между Россией, Германией и Австро-Венгрией с тем, чтобы отодвинуть Россию как можно дальше на восток» [4, с. 196]. Данный подход получил закономерное воплощение в Брестском договоре 1918 г.

Возникшие на обломках империи новые национальные государства — Финляндия, Польша, Литва, Латвия, Эстония — предполагали, что переустройство Европы, свершившееся после Второй мировой войны, является окончательным и бесповоротным. Единственной угрозой, по мнению руководителей этих государств, для них являлась Советская Россия. Ошибкой здесь являлось то, что Германский геополитический интерес понимался только как расчленение России. Между тем, еще в 1915 г. известный немецкий военный деятель, впоследствии командующий рейхсвером Г. Сект писал: «Эта война, возможно, будет нам стоить миллиона человеческих жизней... Но что это значит по сравнению с возможностью изгнать 20 млн человек... таких как евреи, поляки, мазуры, литовцы, латыши, эстонцы и другие?» [21, р. 191–192].

В это время и возник меморандум немецкого военного и политика генерала Э. Людендорфа «Цели германской политики», который является важнейшим документом, где наиболее полно отражены планы германских захватов в Восточной Европе. В меморандуме Э. Людендорфа указывалось, что прорыв «железного кольца» Антанты может быть осуществлен в случае, если Россия в политическом, экономическом и военном отношениях окажется полностью зависимой от Германии и превратится в источник ее экономической силы и политической мощи. Таким путем Германия сможет обеспечить себе господствующее положение в Европе, заложить основы европейско-азиатского блока и занять положение мировой державы, которая могла бы стать противовесом панамериканскому и британскому блокам. По плану Людендорфа Финляндия, Прибалтика, Литва, Польша, Украина и Грузия должны были быть окончательно отделены от России, в остальной ее части — конечно, после свержения большевизма! — должно быть создано федеративное государственное образование при условии его тесной экономической связи с Германией [8, с. 98–102].

В 1917–1918 гг. количество любителей перекраивать русские географические карты существенно возросло. С 1917 г. вопросы федерализации России обсуждались

не только Германией и Австро-Венгрией — противниками России, но и Англией, Францией, США. Английский посол во Франции лорд Берти писал в своем дневнике: «Нет больше России! Она распалась... Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, то есть Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д. сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убраться к черту и вариться в собственном соку» [1, с. 191]. Аналогичный принцип расчленения России предлагался и премьер-министром Франции Ж. Клемансо, особо подчеркивавшим необходимость создания лимитрофов и включения их в орбиту Антанты. Незначительно отличался и американский подход. Обсуждая вопрос о представительстве России на мирной конференции, президент США В. Вильсон запрашивал госсекретаря Р. Лансинга: «... осуществимо ли с точки зрения нынешнего расчленения России на пять частей — Финляндию, Балтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь и Украину — дать России представительство на конференции?..» [18, с. 67]. Официальная позиция США по вопросу о федерализации России была закреплена и в известном комментарии к «14 пунктам» (предложениям американской делегации на Парижской мирной конференции). В п. 6 того документа указывалось: «Итак, в ближайшем будущем сущность русской проблемы, по-видимому, сведется к следующему:

1. Признание временных правительств.

2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства»¹.

Возникновение цепи зависимых государств от Балтики до Черного моря несколько изменило общую направленность военно-политических концепций расчленения России. Теперь сначала ставилась задача обеспечения контроля над уже существующими лимитрофами, а затем предполагалось решить главную задачу — территориальное переустройство России (СССР). Идея «двух линий» санитарного кордона активно обсуждалась уже на Парижской мирной конференции, а попытки ее реализации продолжались в разных вариантах вплоть до 1939 г. Согласно этой концепции, первая линия должна была включать Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, а вторая состоять из «антирусских государств, тянущихся от Финского залива через Таллин к Каспийскому морю, Тбилиси и Баку» [22, р. 127]. В результате обозначилась печальная преемственность задач — советские наследовали имперским. «Накануне Второй мировой войны Москва решала те самые проблемы — „финскую“, „польскую“, „прибалтийскую“, „бессарабскую“, которые за 20 лет до этого были созданы западными державами в Версале. „Дорожка“ к пакту Молотова — Риббентропа в немалой степени „прокладывалась“ недалековидной политикой прежде всего Великобритании и Франции, в качестве победителей в Мировой войне стремившихся не допустить восстановления силы двух государств, до августа 1914 г. входивших в число великих держав, вершивших судьбы Европы и мира» [7, с. 29].

Большую роль в провоцировании новых конфликтов сыграла Польша. В Польше идея «Третьей Европы», т. е. союза мелких государств под польским главенством была очень популярна практически до осени 1939 г. По мнению английской исследовательницы З. Коэтс, «сменявшие друг друга польские правительства вплоть до весны 1939 года были заняты тем, что постоянно планировали и разрабатывали варианты:

а) расчленения СССР;

б) создания блока государств, который отделил бы СССР от Западной Европы» [20, р. 127].

Было бы, однако, ошибкой предположить, что именно Польша являлась главным генератором идей расчленения России, тем более несерьезно предположение

¹ Архив полковника Хауза. Т. 4. Москва, 1944. С. 157.

о возможности решения поляками этого вопроса с помощью военной силы. Гораздо более сильной и значимой и в значительной степени реализованной к июню 1941 г. была немецкая концепция «Серединной Европы». Согласно этой концепции, в Европе должно было существовать огромное государство немцев (сверхвеликая Германия), окруженное незначительными и ослабленными протекторатами и полувисимыми территориями. 20 июня 1941 г. министр «Восточного министерства», созданного, как известно, для нарезки новых государств на месте СССР и управления ими, заявил: «СССР перестанет быть субъектом европейской политики и превратится в объект немецкой мировой политики» [13, с. 97]. В соответствии с этими планами прибалтийские государства планировалось превратить в объекты германской колонизации, а Белоруссию, Украину и Туркестан сделать буферными государствами, существенно отодвинутыми на восток границами. На Кавказе планировалось создать протекторат. В ходе реализации этих планов Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия были включены в состав Рейхскомиссариата Остланд. Названия «Литва», «Эстония», «Латвия», «Белоруссия» были заменены словом *бецирк* — округ. После оккупации Белоруссия была превращена в Белорусский генералбецирк. Белостокская и Гродненская области Белоруссии были присоединены к Восточной Пруссии. Полесье — к рейхскомиссариату Украины. К белорусскому бецирку были присоединены Смоленская и часть Брянской области.

Победа СССР во Второй мировой войне поставила крест на фашистских планах мирового господства и уничтожения России. Успешное последовательное строительство, достижение военно-стратегического паритета с США положили конец планам и концепциям переустройства России — СССР с помощью военной силы. Именно в этот период для достижения стратегической задачи стали активно использовать новые средства, в частности, сделана ставка на обострение межнациональных отношений в СССР, как наиболее перспективный путь его скорейшего распада. Характерно, что большинство американских специалистов и политиков, причастных к этой проблематике, считали это направление наиболее перспективным. З. Бжезинский в своей работе «Агония коммунизма» отмечает: «марксизм-ленинизм не предвидел и не учел тех фундаментальных сил, которые формируют международную ситуацию... Он недооценил роль этноса и национализма» [2, с. 269]. Американский исследователь-эмигрант Л. Добрянский подчеркивал экономический аспект проблемы, считая целесообразным поощрение национализма на территории СССР с той точки зрения, что основные богатства России не находятся в зонах проживания русских. «Большинство ресурсов СССР сосредоточено в нерусских областях: сельское хозяйство на Украине, Туркестане и Грузии, уголь на Украине и в Туркестане, нефть в Азербайджане и Идель-Урале, 90% марганца в Грузии и Украине, железная руда на Кавказе и Украине» [5, с. 242]. Однако не борьба с коммунизмом, а борьба с СССР стала главной задачей США.

В 1986 г. была опубликована программная работа З. Бжезинского «План игры. Геостратегические рамки американско-советского соревнования» В этом труде, венчающем американскую геополитику послевоенного времени, были намечены основные задачи и пути их реализации «Децентрализовать империю — значит распустить ее... Более мощное национальное самоопределение внутри СССР неизбежно ослабит как внешний великорусский имперский импульс, так и внутреннюю концентрацию власти в Москве. Возможно, за этим последует роспуск великорусской империи» [19, р. 236]. Комментировать подобное откровенное заявление, сделанное уже в период перестройки, не столько сложно, сколько нет необходимости.

В настоящее время мы можем отметить, что геополитические концепции распада России реализованы, по крайней мере, наполовину, в части, касающейся ликвидации (самоликвидации) СССР. Как указывает американский публицист П. Швейцер в сво-

ей работе с символическим названием «Победа», «В начале 1982 года президент Рейган вместе с несколькими главными советниками начал разрабатывать стратегию, основанную на атаке на главные, самые слабые места политической и экономической советской системы. «Для этих целей, — вспоминает Каспар Уайнбергер (глава Пентагона — *Н.М., В.Ш.*), — была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну. Это была супертайная операция, проводимая в содействии с союзниками, а также с использованием других средств». Началось стратегическое наступление, имеющее своей целью перенесение центра битвы супердержав в советский блок и даже вглубь самой Страны Советов» [17, с. 13].

В результате распада СССР в Восточной Европе возник целый ряд новых независимых государств. Западными соседями России на всем протяжении ее рубежей от Черного до Балтийского морей оказались Украина, Белоруссия, Латвия, Эстония, не имевшие ранее, за исключением кратковременных периодов, собственной государственности или, по крайней мере, продолжительного опыта ее строительства в качестве самостоятельных субъектов международных отношений. Примечательно, что даже границы этих бывших союзных республик не сложились исторически, а были установлены в советское время сверху административным путем. Следствием этого, в некоторой степени, явилась и особая ситуация вокруг Калининградской области, оказавшейся значительно удаленным от основной территории российским анклавом, граничащим с Литвой и Польшей.

Одним из основных факторов политического развития Восточной Европы в настоящее время может стать идея нового балтийско-черноморского фланга Северо-Атлантического альянса [10]. При этом прежние модели сотрудничества оказались неосуществленными в связи с возникновением союза Белоруссии и России [16].

Подведем итоги. Изменение геополитического положения страны служит достаточным основанием для того, чтобы постоянно возвращаться к его академическому анализу. Качественное изменение защищенности Калининграда, создание Союзного государства и возвращение Крыма частично сняли остроту тех вызовов, которые стояли перед Россией в 1991 г. Многочисленные доклады RAND Corporation¹ свидетельствуют о том, что геополитические подходы активно применяются нашими оппонентами, помогают им изучать Россию. Не отрицая иные научные возможности и подходы, укажем на то, что классический геополитический анализ прошел проверку временем, стал элементом научной традиции, идущей от Ломоносова и Менделеева к современным академическим исследованиям.

Литература

1. Берти А. За кулисами Антанты. М.-Л., 1927.
2. Бжезинский З. Агония коммунизма // Квинтэссенция : филос. альманах / сост. В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. М., 1990.
3. Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. Москва, 1960.
4. «Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг. Москва, 1977.
5. Емельянов Ю. Большая игра : Ставки сепаратистов и судьбы народов. Москва, 1990.
6. Крупников П.Я. Политика германского империализма в Прибалтике в начале XX в. // Исследования по истории германского империализма начала XX века. Москва, 1987.
7. Листиков С.В. Великие державы и «русский вопрос» в 1919–1920 годах: решения Версальской мирной конференции и их последствия // Российская история. 2011. № 5. С. 15–29.
8. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 2. Москва, 1924.

¹Американская некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, вооруженных сил и связанных с ними организаций.

9. Маленков Г. М. 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М. : Госполитиздат, 1949.
10. Межевич Н. М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 26–47.
11. Межевич Н. М. Идентичность и границы: актуальные вопросы теории и реальности восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2014. № 3. С. 95–106.
12. Менделеев Д. И. Заветные мысли. Москва, 1995.
13. «Совершенно секретно! Только для командования». Планы фашистской Германии в войне против СССР. Москва, 1967.
14. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 22–30.
15. Шамахов В. А., Кириленко В. П., Ковалев А. А. Безопасность современной Европы: между стремлениями и реальностью // Политика и общество. 2018. № 10. С. 43–52.
16. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Внешнеполитическое сотрудничество в практиках союзного государства и вызовы международной политики // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 11–18.
17. Швейцер П. Победа. Минск, 1995.
18. Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). Москва, 1949.
19. Brzezinski Z. Game plan. Geostrategic Framework for the conduct of US — Soviet contest. Boston, 1986.
20. Coates Z. K. Six centuries of russo-polish relations. London, 1948.
21. Hilger G., Meyer A. G. The Incompatible Allies: a Memoir — History of German-Soviet Relations, 1918–1941. New York, 1953.
22. Karski J. The great powers and Poland 1939–1945. From Versailles to Jalta. Lonham — New York, 1985.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru
Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Bertie F. The diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918. M.-L., 1927.
2. Brzezinski Z. Agony of Communism // Quintessence: Philosophy almanac / collection of V.I. Mudragey, V.I. Usanov. Moscow, 1990.
3. Gotlib V.V. Secret diplomacy during World War I. Moscow, 1960.
4. “Drang nach osten” and the peoples of Central, Eastern and South-Eastern Europe. 1871–1918. Moscow, 1977.
5. Emelyanov Yu. Big game: the stakes of separatists and the fate of peoples. Moscow, 1990.
6. Krupnikov P. Ya. The policy of German imperialism in the Baltics in the early 20th century // Studies on the history of German imperialism in the early 20th century. Moscow, 1987.
7. Listikov S. V. Great Powers and the “Russian Question” in 1919–1920: Decisions of the Versailles Peace Conference and Their Consequences // Russian History [Rossiiskaya istoriya]. 2011. N 5. P. 15–29.
8. Ludendorf E. My memories of the war 1914–1918. Vol. 2. Moscow, 1924.
9. Malenkov G. M. 32nd anniversary of the Great October Socialist Revolution. M. : Gospolitizdat, 1949.
10. Mezhevich N. M. Eastern Europe. On the Centenary of the political project // Baltic region [Baltiiskii region]. 2016. T. 8, N 1. P. 26–47.
11. Mezhevich N. M. Identity and borders: topical issues of the theory and reality of east part of the Baltic region // Baltic region [Baltiiskii region]. 2014. N 3. P. 95–106.
12. Mendeleev D. I. Cherished thoughts. Moscow, 1995.
13. “Top secret! Only for command”. Plans for fascist Germany in the war against the USSR. Moscow, 1967.

14. Shamakhov V.A., Balashov A.I. New geopolitical reality and its influence on the strategy of economic and social development of Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1. P. 22–30.
15. Shamakhov V.A., Kirilenko V.P., Kovalev A.A. Security of modern Europe: between aspirations and reality // Politics and society [Politika i obshchestvo]. 2018. N 10. P. 43–52.
16. Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. Foreign Policy Cooperation in the Practices of the Union State and Challenges of International Policy // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 10. P. 11–18.
17. Schweitzer P. Victory. Minsk, 1995.
18. Shtein B.E. "Russian Question" at the Paris Peace Conference (1919–1920). Moscow, 1949.
19. Brzezinski Z. Game plan. Geostrategic Framework for the conduct of US — Soviet contest. Boston, 1986.
20. Coates Z.K. Six centuries of russo-polish relations. London, 1948.
21. Hilger G., Meyer A.G. The Incompatible Allies: a Memoir — History of German-Soviet Relations, 1918–1941. New York, 1953.
22. Karski J. The great powers and Poland 1939–1945. From Versailles to Jalta. Lonham — New York, 1985.

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-a@ranepa.ru